

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

***ПОКОЙНИК
ПРЕТЕНЗИЙ
НЕ ИМЕЛ***

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Покойник претензий не имел / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с. — (Русский бестселлер. Избранное).

ISBN 978-5-04-096012-5

Новый роман о выдающемся сыщике Льве Гурове — герое старейшей детективной серии. За 25 лет вышло около 200 томов тиражом десятки миллионов экземпляров.

Журналиста убили, а его труп привязали к метеорологическому шару, который и унес тело далеко за пределы Москвы. Ни следов, ни улики. Полковники МУРа Лев Гуров и Станислав Крячко выясняют, что любопытный журналист сунул нос в дела фирмы «Русский зодчий», главный бухгалтер которой тоже убит весьма экстравагантным способом. Сыскари взяли след, но тут в дело вмешивается глава «Русского зодчего». Он самостоятельно вычислил убийц и... попал в их лапы. Ситуация форс-мажорная, значит, и действовать надо соответственно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2018

ISBN 978-5-04-096012-5

Крайние меры

ПОВЕСТЬ

Пролог

Этот воскресный вечер полковник Лев Иванович Гуров, старший оперуполномоченный Главного управления уголовного розыска МВД РФ, решил посвятить давно откладываемому, но настоятельно требующему выполнения делу. Руководство ВАМВД им. Дзержинского, где он читал курс «Тактика оперативной работы», обратилось к нему с просьбой срочно прочесть для слушателей академии лекцию, посвященную тридцатипятилетию ГУ МВД, приходящемуся на этот год.

Кому же, как не ему, одному из лучших сыщиков упомянутого управления, рассказать о его славном пути? Тем более срочно...

Начальник ГУ, близкий друг Льва Гурова, генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов, узнав об этом, загорелся идеей и отдал Льву прямой приказ: лекцию подготовить, славный путь отразить!

Заниматься таким не слишком привычным делом, как сочинение лекции, в управлении — это дохлый номер. Заест текучка, будут отвлекать без конца, не дадут сосредоточиться. То ли дело — вот так, дома, не торопясь, вдумчиво и с расстановкой.

Чашка свежесваренного кофе источала ароматный парок, настольная лампа бросала мягкий боковой свет на клавиатуру «Пентиума». Ничто не мешало работе, которая все больше увлекала Гурова. Лекция получалась интересной!

Конечно, сыскному делу в России не тридцать пять лет от роду, а чуть ли не все четыреста. Если, конечно, считать с

того момента, когда молодая жена великого князя Василия Ивановича, в недалеком будущем — мать Иоанна Васильевича Грозного, Елена Васильевна Глинская стала патроном ею же созданной Разбойной Избы при Высокой Боярской Думе.

Как и ее гнуснопрославленный сыночек, отличалась Елена Васильевна Глинская редкостной стервозностью в сочетании с редкостными же умом и железной волей. Так что очень солоно пришлось тогдашним московским «криминальным авторитетам»!

Много славных имен вписано было с тех пор в историю российской криминалистики. Но никогда отечественный сыск не достигал таких вершин, как в начале прошлого века, перед октябрьским переворотом.

На международном съезде криминалистов, проходившем в 1913 году в Швейцарии, русская сыскная служба была признана лучшей в мире. Такие российские асы сыска, как И.Д. Путилин или А.Ф. Кошко, пользовались непререкаемым международным авторитетом, их неоднократно просили о помощи в расследовании запутанных дел и сенсационных преступлений соответствующие службы Франции, Бельгии, Австро-Венгрии, Германии, Великобритании.

Про Путилина ходила подлинная, но похожая на легенду история. Когда из Венского полицей-президиума на его имя в Петербург пришла донельзя официальная бумага с просьбой содействовать поимке знаменитого австрийского шулера, якобы отправившегося на гастроли в Северную Пальмиру, он отписал австрийским коллегам, что, по его, Путилина, агентурным данным, разыскиваемый ими международный жулик мирно проживает... в родной Вене. А затем указал его точный адрес, время выходов из дома на преступный промысел, важнейших поделыщиков и все прочее. И ведь оказался совершенно прав!

Кстати, разработанную начальником Московской сыскной полиции, заведующим уголовным розыском Российской империи Аркадием Францевичем Кошко систему сыска всецело перенял потом знаменитый Скотланд-Ярд. Когда после октябрьского переворота Кошко был вынужден эмигрировать во Францию, англичане, памятуя об уникальном сыском таланте генерала, предложили ему возглавить исследователь-

ский отдел британской сыскной полиции. Но Кошко отказался. Великий русский сыщик умер в Париже в 1928 году. По слухам — от голода...

Да и за советские времена стыдиться не приходилось. Целое созвездие ярких имен: Потапов, Якимов, Собачников... Это только в Москве! А Ленинград? А провинция? Есть, есть чем гордиться русским сыщикам! Славные предшественники были у Гурова.

Но «нельзя объять необъятное», вспомнил Лев бессмертную максиму Козьмы Пруткова. Довольно исторических курсов, пора переходить ко дню сегодняшнему.

Тут возникла некоторая заминка. Гуров оторвался от клавиатуры компьютера, задумчиво посмотрел на пустую кофейную чашку. Скромность проклятая заела!

Дело в том, что рассказать о делах управления за последние двадцать лет, не помянув всю дорогу себя любимого, а также своего заместителя и ближайшего друга, старшего оперуполномоченного полковника Крячко, никак не получалось! Самые громкие дела, самые остроумные оперативные ходы... Они со Станиславом, случалось, спасали друг другу жизнь, а такая связь двух людей даже выше, чем дружба, она — самая крепкая. Потому что держится на совместно пролитой крови, как своей, так и вражеской. Недаром знаменитая пара Гуров — Крячко числилась любимцами генерал-лейтенанта Орлова, его преторианской гвардией. Петр Николаевич Орлов ценил Гурова и Крячко, прежде всего, как людей умных, надежных, как настоящих профессионалов. Должности и звания — дело наживное!

«Сам себя не похвалишь — дураком помрешь, — весело подумал Гуров. — Из песни слова не выкинешь. Эх, отцветай, моя черешня! Сейчас распишу в подробностях, какие мы со Станиславом Васильевичем молодцы. Под чутким руководством Петра Николаевича Орлова. Который, прочитав мое творение, вставит мне клизму на полведра со скипидаром и битой стеклотарой. За саморекламу и зазнайство».

Лев, посмеиваясь, вновь склонился над клавиатурой.

Звонко шелкнул замок входной двери.

«Маша пришла, — с радостью подумал Гуров. — Надо же, значит, вечерний спектакль уже полчаса как закончился! Бы-

стро время пролетело, я совсем не заметил... Нет, здорово эта работа увлекает!»

Его жена, Мария Строева, известная актриса, подошла к Гурову, ласково взерошила волосы на затылке мужа:

— Трудисься, писатель новоявленный? Как успехи?

— Очень устала? — ответил Лев вопросом на вопрос. — Давай вместе кофейку попьем, я тоже отдохну. А то с непривычки к такого рода деятельности мозги в штопор закручиваются. Я все больше протоколы сочинять мастак. Расскажешь, как спектакль, что в театре нового.

— Нового? — переспросила Мария. — Знаешь, есть одна неприятная новость, я как раз с тобой поговорить хотела. Как бы она не по твоему ведомству. У тезки твоего, Левы Рашевского, младший брат пропал. Леонид.

— Это у главрежа вашего? С которым ты постоянно собачишься?

— Не преувеличивай, — возмущенно сказала она. — Мы люди творческие, нам без этого нельзя. Кстати, наши отношения к делу не относятся. А младшего брата Лев очень любит, волнуется за него... Сегодня, как речь об этом зашла, у него так сердце прихватило, что я уже хотела «скорую» вызывать.

— Скажи толком, что за «дело»? Что значит «пропал»?

— То и значит, что вышел шесть дней тому назад, двадцать третьего февраля, на праздник, утром из дома — и как в воду канул. Ни слуху ни духу. Может, займешься этим, ну... поищешь его, что ли?

Гуров неопределенно хмыкнул. Почесал в затылке.

— Маша, милая, ты не совсем по адресу. Я, конечно, сыщик, но поисками наших пропавших сограждан совсем другие люди занимаются. Потом, знаешь ли, неделя... Это не срок! Может, он запил в компании случайно встреченного школьного друга. У друга на хате. Бывает. Тем более повод прекрасный — День Советской Армии, или как он теперь называется? Мужской день? До чего глупо звучит! Или, может, он вообще на Канары с любовницей подался. Много чего может быть. Я так понял, что больницы, морги и все такое прочее родственники уже проверили? Бюро регистрации не-

счастливых случаев? Приемное отделение института Склифосовского? Вот видишь! Трупа-то нет, так что...

— А тебе обязательно нужно, чтобы труп, — саркастически заметила Мария. — Без трупов тебе прямо жизнь не мила, пальцем пошевелить неохота! Лев, Восьмое марта через неделю. Считай, что, проявив заинтересованность в поисках Рашевского-младшего, ты уже начинаешь делать мне подарки!

— Ну... придумаем что-нибудь, — вяловато откликнулся Гуров. — Поговорю я завтра с ребятами из отдела поиска. Или послезавтра, словом, как встречу кого из них. Нет, правда, встречу — и поговорю. Или через Димку Лисицына... Вот увидишь, братец твоего главрежа до того времени сам объявится. Да поговорю, успокой своего Леву!

— Врешь ведь, Гуров, — печально улыбнулась она. — Забудешь ты о моей просьбе, потому как не проникся. Считаешь блажью и чушью, недостойной внимания короля сыска. Вот если бы это я на неделю бог весть куда исчезла, тогда да, тогда б тебя проняло! Кстати, «мой Лева» — это все-таки ты.

«Родство душ, бытовая телепатия, — покаянно подумал Гуров. — Это, конечно, замечательно. Но иногда Маша видит меня насквозь до такой степени, что это даже угнетает. Ладно, взгляну утром к компьютерщикам. Если не забуду».

Однако на этот раз прогноз Марии Строевой не оправдался. Не забыл муж о ее просьбе. Не дали ему забыть.

* * *

Погода в то пятничное утро выдалась идеальная для зимней рыбалки: ночной ветер стих, и стало совсем тепло — не ниже минус пяти. Лучи февральского солнышка весело отсверкивали на тоненьком слое свежего ночного снега, чуть припорошившего замерзшую озерную гладь. Снежок затянул поверхность озера идеальным, нетронутым белым покрывалом. Рассветное солнце только-только поднялось над горизонтом. Запорошенные снегом кусты лещины, высокие береговые сугробы, небольшие елочки, росшие у самой кромки озера, отбрасывали глубокие голубые тени, по которым весело скакали солнечные зайчики отраженных кусками льда лучей. Высоко в зените, словно оттеня ослепитель-

ную яркость февральского неба, висело маленькое серое облако.

Собственно, небольшой водоемчик, на лед которого выходил сейчас Вася Липатов, озером не являлся. Это была отшнуровавшаяся от Оки старица, которая в половодье соединялась протоками с материнским руслом. Но Липатову, молодому механизатору СельхозАООТ «Приокское», эти географические детали были по барабану, — главное, чтобы рыба водилась!

На душе у Васи прямо-таки весенние птички распевали! Вчера выдали наконец-то зарплату за декабрь прошлого года, сын — двухгодовалый Вовка — выздоровел от недельной ангины, зараза-теща уехала на месяц к старшей дочери в Пензу... Как тут не радоваться? Кроме того, Василий закончил ремонт своего старенького, но верного тракторишки «ХТЗ-200», и сейчас у него был законный отгул за сверхурочную работу, а впереди еще два выходных! Можно заняться любимым делом — подледной рыбалкой.

Сегодня он опробует две собственноручно отлитые и обточенные мормышки, «гробик» и «клопик». Магазинным мормышкам Липатов не доверял — какая у них уловистость, смех один... А вторую лунку пробьет под мотыля. Мотыль у него отличный, все завидуют, должно такое угощение серебряному карасю понравиться.

Ох, наловит он! Никому мало не покажется...

Без улова Вася не возвращался никогда, но сегодня его интересовал не столько улов, сколько желание вытащить нескольких серебряных карасей, их еще «буффало» называли. Рыба эта появилась в бассейне Оки сравнительно недавно, и повадки ее во многом оставались для Васи Липатова загадкой. Тем интереснее! А окуней на уху он по-любому надергает, а Светлана сварит, они с Вовкой окуневую уху очень любят. Да и Ефросинья Кузьминична довольна останется. Она избалованная, свежую рыбу не признает, зато как унюхает уху... Аж хвост от жадности дрожать начинает! Василий представил себе потешную усатую мордочку семейной любимицы, толстой трехцветной Фроськи, словно бы услышал ее басовитое мурлыканье, и на душе стало совсем уж хорошо.

■ Липатов поправил висящий за спиной рыбацкий ящик и

пешню, с удовольствием подумал, что ему есть чем согреться ближе к обеду: в правом кармане ватных шаровар во фляжечке из нержавеющей заодно поплескивалось грамм триста очищенного двойной перегонкой первача. Нет, жизнь действительно прекрасна!

Весело, хотя фальшиво, напевая марш фомищенских механизаторов «Эх, я на тракторе работал, деньги заколачивал! Рулевое колесо х... поворачивал!», Липатов направился к дальнему концу старицы, к давно присмотренной заводи. Там, в донной яме, под береговым ивняком точно должен стоять серебряный карась! Следы Васиных валенок четкой цепочкой отпечатывались на тонком слое выпавшего за ночь свежего снежка.

Но до вожделенной заводи Василий не дошел. Взгляд его вдруг зацепился за какой-то непонятный, совершенно чужеродный предмет почти в центре озера. Что бы это могло быть? Липатов подошел поближе.

Человеческая психика — забавная штука! Она иногда словно бы оберегает нас от слишком уж запредельной жути, отказывается порой пропускать в мозг наши ощущения. Василий в упор смотрел на загадочный предмет и никак не мог понять, что же он видит перед собой.

Зато, когда Вася Липатов понял... Лицо его сначала тускло посерело, как мокрая штукатурка, затем приобрело зеленоватый оттенок. Васин желудок скрутил мучительный рвотный спазм, сдержать который он не смог, и весь его завтрак оказался на озерном льду.

Перед Василием Липатовым лежал труп совершенно голого, если не считать короткого обрывка веревки, мужчины. Веревка глубоко врезалась в распухшую шею трупа. Лицо мертвеца было страшного багрово-синего цвета, с выпученными замороженными глазами и далеко высунутым насквозь прокушенным языком. А тело напоминало своей мертвенной белизной гипсовую отливку и казалось таким же твердым и хрупким. Самым же страшным, самым отвратительным показалось Липатову то, что одна из рук мертвеца валялась отдельно от тела, сломанная в локтевом суставе. Словно разбитая гипсовая статуя...

И ни капли крови!

Глава 1

Ночью подморозило, для начала марта в Москве это дело обычное. Туман, со вчерашнего полудня накрывший столицу мутной молочной пеленой, осел на стенах домов, на решетках оград, на ветвях деревьев игольчатыми сверкающими кристалликами; свет утреннего солнца весело преломлялся в их гранях. Встречая первый день календарной весны, огромный город словно бы прихорашивался, загодя готовился к женскому празднику.

Дышалось непривычно легко — как если бы в московском воздухе совсем не осталось выхлопных газов и прочей дряни. Будто бы в зимний лес попал, а не стоишь посредине громадного мегаполиса.

Гуров решил добираться на службу пешком. Последнее время его «Пежо» дымил как паровоз и усиленно жрал масло. Лев подозревал, что запали поршневые кольца. Да и шаровые шарниры передней подвески давно уже не в порядке. Пора к Станиславу за помощью обращаться.

«Друг и соратник» Гурова, полковник Станислав Васильевич Крячко, был автолюбителем столь высокого уровня, что уже мог считаться не любителем, а настоящим профессионалом. Когда расследование у друзей не шло, работа стопорилась, Лев ехидно подкалывал Крячко, говоря, что, когда за профнепригодность их погонят из органов, Станислав, во всяком случае, без куска хлеба не останется. За возможность получить такого шофера и автослесаря все столичные таксопарки передерутся. Крячко, который отличался превосходно развитым чувством юмора, в таких случаях начисто его утра-

чивал и шутки друга не поддерживал: автомобили и все, что с ними связано, — это вам не хиханьки-хаханьки!

Неторопливо шагая по Никитскому бульвару, Гуров прокручивал в уме «расписание занятий» на этот понедельник, первый день весны. Ничего экстренного. Последнее дело на выезде в один из южных губернских центров они со Станиславом успешно завершили, остались мелочи с отчетностью. Может быть, он даже сумеет выкроить час-другой и заняться составлением экзаменационных вопросов по «Тактике оперативной работы» — ему через месяц у курсантов академии зачет принимать. Конечно, их шеф, генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов, в любой момент мог осчастливить своих гвардейцев чем-то новым и заковыристым, к этому надо быть готовым. Посмотрим, что он на оперативке утренней скажет...

Проходя по коридору первого этажа, Гуров вспомнил о вчерашней просьбе Марии. Он свернул направо и открыл дверь с табличкой «Группа обработки электронной информации».

— Рад видеть вас, подельники Билла Гейтса! — весело поздоровался Гуров. — Как, бродилки-стрелялки не надоели еще? Все уровни прошли, всех монстров перегребили?

В ответ раздался нестройный хор приветствующих его голосов: в отделе Льва Ивановича знали и очень уважали. Гуров подошел к терминалу, за которым сидел его приятель — молодой, но чертовски талантливый Дмитрий Лисицын. Он относился к Гурову с колоссальным пиететом и несколько раз серьезно помог Льву и Станиславу в расследовании весьма запутанных дел.

— Тебе, Дима, персональное «Здравствуйте», — улыбнулся Лев, пожимая руку компьютерщика. — Я с небольшой просьбой. Ты ведь хорошо знаешь наших поисковиков из отдела розыска пропавших? Я так и предполагал. Не в службу, а в дружбу: свяжись с этими ребятами, пусть посмотрят свои базы данных — не появлялась ли там за последнюю неделю фамилия Рашевский. Звать его Леонид Исаевич. А ты, как время будет, прокачай через свою машину оперсводки из райотделов за тот же срок, вдруг где всплывет. И со своими